

Г.М. Зеленская
СТАВРОС НА КИЙ-ОСТРОВЕ
В СИСТЕМЕ МОНАСТЫРЕЙ ПАТРИАРХА НИКОНА
Для конференции в Онеге. Июль 2018 г.

Кий-остров занимает особое место в иеротопическом творчестве Патриарха Никона. Будучи частью замысла огромного и не осуществленного до конца проекта, он воплощает его семантическое средоточие, которое можно назвать крестоцентричностью. Цель нашего сообщения — раскрыть аспекты темы Креста Господня в иконографических решениях церковного убранства обителей, созданных Первосвятителем.

Иверский монастырь на Валдае, Крестный на Кий-острове и Воскресенский Ново-Иерусалимский под Москвой составляли единое сакральное пространство. Географически оно занимало огромную территорию, куда входили обширные монастырские земельные владения с приходскими церквами и десятками приписных обителей. Эта разветвленная система святых мест была авторским творением Патриарха. Образ-парадигма каждого монастырского ансамбля — Царствие Небесное, новый Иерусалим — создавался посредством ландшафта, топонимов, архитектуры, изображений, надписей, святынь и синтезировал образы Святой Земли, Святого Афона и Святой Руси¹.

Уже в Иверском монастыре на Валдае тема Креста Господня доминирует в иконографической программе иконостаса соборного храма, освященного в 1656 г. в честь иконы Божией Матери Портаитиссы (Вратарницы). В отличие от созданного двумя годами ранее и ставшего каноническим образцом пятиярусного иконостаса Успенского собора Московского Кремля, завершеного резным изображением херувимов, валдайский иконостас был трехъярусным, без праздничного и праотеческого чинов. Венчал его Голгофский Крест с живописным Распятием, по сторонам которого помещались образы Богородицы и апостола Иоанна Богослова, а также круглые иконы «Несение креста» и «Снятие с креста»². Заметим, что только через 10 лет Определение Собора 1666–1667 гг. предписало «во святых церквах на Деисусе поставити крест, сиречь, распятие»³. До этого подобное решение было для России необычным.

Композиция Голгофы выделяла в валдайском иконостасе тему искупления человечества крестной жертвой Христа и представляла алтарную преграду как образ Иерусалима Горнего, чьи затворенные врата Честным Крестом «паки отверзаются»⁴. Афонский список чудотворной Иверской

¹ Г. М. Зеленская. Святые горы в монастырях Патриарха Никона // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Феория, 2017. С. 88.

² Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706) / Собр. архимандрит Леонид.. СПб., 1878. (РИБ. Т. 5.). Стлб. 234.

³ Деяния соборов 1666–1667 годов. М.: Синод. тип., 1893. Л. 23 об.— 24.

⁴ Никон, Патриарх Московский. Грамота о Крестном монастыре. М.: Печатный двор [после 24 июня 1656]. С. 47. (Далее — Грамота о Крестном монастыре).

иконы Божией Матери был главной святыней обители и помещался слева от Царских врат, указывая на символику Портаитиссы как Хранительницы дверей, Которая «скверным и нечистым возбраняет вход»⁵ в Царствие Небесное⁶.

Тема Святой Земли, воплощенная в Голгофской композиции иконостаса соборного храма, отражена в приписной к Иверскому монастырю Галилейской пустыни, где образы создавались с помощью ландшафта и агиотопонимики. Пустынь была основана Патриархом Никоном в 30-ти км к юго-западу от Валдая, на берегу озера Вельё, по масштабу сопоставимого с Генисаретом. Подобно Галилейскому морю, оно простирается с севера на юг, его протяженность — 25 км, глубина — до 42 м. Протяженность Генисарета — 23 км, максимальная глубина — 45 м. Палестинский топоним соответствовал хозяйственному назначению Пустыни, где насельники занимались рыболовством. Деревянная церковь обители была освящена в 1659 г. в честь Живоначальной Троицы. Это посвящение развивало тему Голгофского Креста, которому присуща троичная символика: составленный из трех пород дерева, Крест принял на себя в Лице распятого Христа Пресвятую Троицу⁷.

Галилейская пустынь была семантически связана с Ново-Духовым монастырем, устроенным Патриархом Никоном в 40 км к северо-западу от Валдая в селении Боровичи, близ старого Свято-Духова монастыря. Эти сопоставления, объединенные темой Пятидесятницы, создавали на территории протяженностью около 70-ти км образы нового Афона и нового Сиона. Святейший Никон перед началом строительства Иверского собора молил Господа спасти и помиловать братьев, которые поселятся «окрест святыя сея обители: во островах, в пустынях и горах и в пещерах Христа ради»⁸. Просторы Валдайской возвышенности осмыслились как удел Пресвятой Богородицы и образ дома Царя Небесного, где «обители многи суть» (Ин. 14:2).

В начале 1660-х гг. тема Креста в монастырях Патриарха Никона вычленяется из структуры иконостаса как особо значимая. Престолы Кийского храма и Голгофского придела Воскресенского собора в Новом Иерусалиме посвящены Воздвижению Животворящего Креста. В обеих

⁵ Здесь и далее цит. по «Рай мысленный, в нем же различныя цветы преподобным Стефаном Святогорцем собраны о святей Афонстей горе...». Составная рукопись: список XVIII в. с издания: [Стефан Святогорец]. Рай мысленный. Ч. 1, 2. Типография Иверского монастыря. 28 октября 1658 — 3 августа 1659 [7167]. Л. 65 об. // Дополнительное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. НИОР РГБ. Фонд 304. П. № 53. [Электронный ресурс]. URL: <http://stsl.ru> (дата обращения 9 01.2018).

⁶ После пожара 1704 г. первоначальный валдайский иконостас сменился новым, повторяющим московские образцы. В 1710 г. соборный храм был освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы.

⁷ «Крест трисоставный и тричестный, древо Троицу бо носит, трисоставный и тричестный образ», — поется в Каноне Животворящему Кресту Господню преподобного Григория Синаита (Песнь 8). См.: Сидоренко Г. В. Сакральное в сакральном. О пространственной структуре русских деревянных поклонных крестов XVI–XVII веков. Приложение. Канон Животворящему Кресту Господню преподобного Григория Синаита // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. С. 674.

⁸ «Рай мысленный». Л. 53 об.

церквах кипарисовый Крест в меру Креста Господня вынесен из местного чина и оформлен в виде отдельно стоящего храмового образа с пространственной многофигурной композицией.

Семантика храмовой Кийской иконы сосредоточена на теме поклонения Кресту, ктиторские аспекты которой позволяют видеть в обители образ Святогорского Ставроса. В Грамоте о Крестном монастыре Патриарх Никон говорит о том, что царь Константин «возградил» монастырь во имя Креста, «давшаго ему на враги победу», и назвал его «Ставрос, еже есть Крест, иже и доныне во святей Афонстей горе силою Распятого стоит неврежден»⁹.

Кийский Крест-реликварий первоначально находился перед южной стороной иконостаса в деревянном резном киоте, в глубине которого помещались иконописные изображения святых равноапостольных Константина и Елены, царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны и Патриарха Никона. В Голгофской церкви Нового Иерусалима, повторяющей планировку первообраза, Крест с резным Распятием помещен к северу от иконостаса, на Лобном месте, первоначальное оформление которого раскрывало разные аспекты символического и церковно-исторического значения Голгофы.

В отличие от Кийского образа, Голгофская икона Воздвижения делилась на три части. В центре находился резной киот, обрамлявший Крест с фигурами предстоящих Богородицы, Жен-мироносиц и апостола Иоанна Богослова. По сторонам киота помещались иконы с изображением равноапостольного царя Константина, царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона (слева), равноапостольной царицы Елены, царицы Марии Ильиничны и царевича Алексея (справа). Таким образом, иконография Распятого Христа сочеталась с иконографией Воздвижения Креста Господня и темой поклонения Кресту. Наряду с византийским императором и его матерью, обретшими в IV веке в Иерусалиме Крест Господень, воздвигшими его на Голгофе и благоукрасившими место Распятого и Воскресения Христова великолепным храмом, были представлены их русские преемники в лице правящей династии Романовых, включая наследника престола.

Иконографическая программа живописного убранства Голгофской церкви, в которую входили чины иконостаса, отдельно стоящие иконы и композиции в картушах четырех резных клиросов, развивала догматические и литургические аспекты темы Креста Господня. Основные мотивы храмовой

⁹ Грамота о Крестном монастыре. С. 52–53. Возможно, имеется в виду монастырь, о котором «Сказание о Святой горе Афонской», написанное в XVI веке афонскими старцами по просьбе Московского митрополита Макария, сообщает следующее: «Монастырь Ставреникит, храм св. Николы, игумен, священников 10, дьяконов 5 и всех братьев 120. Здесь жил великий отец имя его Никита, делал кресты, сего рода имя его Ставреникит, — понеже по Гречески Ставро крест глаголется, Никита же старцу имя... В лета 43 (1535) патриарх Еремия цариградский начат во Святой горе монастырь поновляти Ставреникит, церковь св. Николы, и от того дне прозвася имя его Потриархов монастырь» // ЧОИДР. №4. М., 1846. Отд. IV. Смесь. С. 22. О Ставресе, основанном императором Константином Великим, «Сказание» не упоминает.

иконы звучали и в композиции пятисотпудового Воскресенского колокола, вылитого в Новом Иерусалиме в начале 1660-х гг. На его лицевой стороне помещался образ Воскресения — Сошествия во ад с текстом тропаря «Воскресение Христово видевше...», по сторонам — «персоны» царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны, царевича Алексея и Патриарха Никона, держащего в правой руке модель храма, в левой — колокола.

Изображение четырех евангелистов и надписи «Восток, Запад, Север, Юг»; «Весна, Лето, Осень, Зима» символизировали четверочастное устройство мира. Это поясняла толковательная надпись: «Четыре же евангелиста, четыре столпы миру, и четыре добродетели от Евангелия научаемся: мужеству, мудрости, целомудрия, правде. Ибо четыре части миру суть: восток, запад, север и полудние, и четверочасно круг лету венчается: весною, летом и осенью, зимою. И четверочастне земля состоитца: Европою, Асиєю, Америкою, Африкою».

Венцы колокола символизировали Пресвятую Троицу. Надпись поясняла, что «начальное коло, не имущее конца», знаменует «безначального Отца, собезначальное горнее кояго венца, собезначальное рождение Сына от Отца, а звукогласное исхождение около венца, исхождение Святаго Духа от Отца, нераздельное Троицы всеприличное бытие рещи, и несть ни един кроме инех, или без инех, глаголему или разумеваему, идеже аще именуется»¹⁰.

Образ Сошествия во ад включает изображение Креста на фоне или в руках Воскресшего Спасителя. Иконографическая программа колокола являла вселенское значение Креста Господня, который, будучи «на четыре страны разделяем», «языки совокупил есть от Востока и Запада и Севера и Юга во едину церковь и во едину веру и во едино крещение и любовь вся связал есть»¹¹. Столь же наглядно это воплощено в иконографической программе Кийского Креста. Не случайно в Грамоте о Крестной обители Святейший Никон пишет о своем уповании на то, что Господь исполнит новый монастырь всем необходимым и «на всех четырех вселенных концев именована его сотворит»¹².

Тему крестообразного устройства мира отражали особенности чтения Евангелия на Пасхальной литургии в Воскресенском соборе Нового Иерусалима. Согласно монастырскому церковному уставу XVII в., первое Евангелие «четет архимандрит... позади святаго престола, зря на запад». Затем Евангелие на разных языках читали иеродиаконья. Один из них стоял на амвоне, «зря на восток». Второй — «прямо гроба», то есть Кувуклии Гроба Господня, и читал, «зря на запад». Третий стоял между правым клиросом и Царским местом, «зря на юг». Четвертый — между левым

¹⁰ Опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1685 года составлена дьяком Сысского приказа Борисом Ивановичем Остолоповым: РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 4. Д. 5092. Л. 220 об. — 221. В 2012 г. утраченный Воскресенский колокол вылит со всеми лицевые изображениями и надписями XVII в.

¹¹ Грамота о Крестном монастыре. С. 43, 41–42.

¹² Там же. С. 6.

клиросом и Патриаршим местом, «зря на север»¹³. Следует добавить, что архитектурный объем Кафоликона образует четырехконечный Крест и «возводит ум» к соединению разноязычных народов «во едину церковь».

В иконографии Кийского Креста образ Церкви Христовой воплощают частицы мощей угодников Божиих, иконки с их изображениями, резные афонские кресты и паломнические евлогии, создающие образ Всех Святых¹⁴. О значимости данной темы для Крестного монастыря свидетельствует посвящение празднику Всех Святых деревянной кладбищенской церкви, возведенной на Кий-острове в 1661 г.

В Новом Иерусалиме эти идеи отражены в намерении Патриарха Никона устроить в Воскресенском соборе «еликож в году дней, толико и престолов»¹⁵. Реальность замысла подтверждает двухсотпудовый Всехсвятский колокол 1664 г., на котором были «вылиты дванадцатые минеи Святых во весь год»¹⁶. Семантику лицевых изображений раскрывали духовно-назидательные надписи, составленные из цитат Священного Писания. Первая поясняла значение сотворенных Моисеем по велению Господа серебряных труб и сопоставляла с ними «духовные трубы» Нового Израиля — колокола¹⁷. Отметим, что принцип прообразовательного соответствия событий Ветхого и Нового Заветов использован Патриархом Никоном в Грамоте о Крестном монастыре, в размещении реликвий Святой Земли в древе Кийского Креста и в иконографии живописного убранства Голгофской церкви.

Вторая надпись Всехсвятского колокола была составлена на основе Посланий апостола Павла и Апокалипсиса¹⁸. Этот эсхатологический текст посвящался «побеждающим» — святым, которые «пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его» (Откр. 7:15).

Изображения Всехсвятского колокола — ближайший аналог иконографии Кийского Креста, где сонм угодников Божиих, чьи образки и частицы мощей расположены по чинам святости, представляет лицевой Месяцеслов, в который входят также афонские резные иконки Господских и Богородичных праздников.

Афонские кресты, подобные врезанным в древо Кийского Креста, были отличительным признаком запрестольных и напрестольных крестов Нового Иерусалима. Опись 1679 г. фиксирует в алтаре монастырской деревянной церкви Воскресения Христова, освященной Патриархом Никоном в 1657 г.,

¹³ Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам архимандритом Леонидом. М., 1876. С. 454.

¹⁴ *Зеленская Г.М.* Иеротопия Кийского Креста // Ползуновский альманах. Материалы всерос. научн. конференции с междунар. участием «Русский мир в пространственно-временном контексте. Человек в культуре Русского мира: антропологический, исторический и культурологический аспекты». Барнаул, 2017. № 4. Т. 1. Ч. 2. С. 68–91.

¹⁵ Новгородский хронограф XVII в. // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 296.

¹⁶ Опись 1685 г. Л. 221. Утраченный в XVIII в. Всехсвятский колокол вылит в 2012 г. с изображениями лицевой годовой Минеи и надписями XVII в.

¹⁷ Чис. 10: 1–9; Еф. 6: 11.

¹⁸ Еф. 6:12; Евр. 11:33; Откр. 2:7; 3:12, 21; 5:9–10; 7:14–15; 21:3–4, 8; 22:14. См.: *Зеленская Г.М.* Святые Нового Иерусалима. М.: Северный паломник, 2002. С. 83–88.

«крест большой выносной кипарисной... да в том же в кресте вырезаны кресты»¹⁹. На престоле Богоявленной церкви в Пустыни Патриарха Никона находился напестольный «Крест деревянной Греческой, резан на кипарисе»²⁰. В обоих случаях речь идет, несомненно, об афонских крестах, широко распространенных в восточно-христианском мире. В монастырях Патриарха Никона они наряду со списками чудотворных икон Божией Матери «Иверской» и «Троеручицы» создавали образ Афонской горы, населенной православными иноками из разных земель и знаменующей Горний Иерусалим.

В Крестном монастыре эту семантику отражала топонимика деревянной надвратной церкви, освященной в 1659 г. Патриархом Никоном в честь Иверской иконы Божией Матери. Как известно, «ворота монастырей с надвратными храмами во всём были подобием городских врат с увенчивающими их церквами» и выражали представление об иноческой обители как Граде Небесном²¹. Вместе с тем, ближайшими типологическими аналогами монастырских надвратных церквей являются параклисы в афонских пиргах, древнейший из которых — храм во имя иконы Божий Матери Портаитиссы в Святогорском Ивироне²².

В связи с образом Града Небесного, который воплощали монастыри Патриарха Никона, следует упомянуть о двух крестах под открытым небом, водруженных Первосвятителем на Кий-острове и в Новом Иерусалиме. На Кийском берегу это был деревянный Крест, поставленный иеромонахом Никоном в 1639 г. в память о своем спасении, когда он, совершая «шествие по морю из скита Анзерскаго... от великаго морскаго волнения едва не потопихомся»²³. Обетный Крест после устройства обители приобрел значение Поклонного Креста, обычно воздвигавшегося на месте, откуда открывался вид на город или монастырь. Первообразом служил в таких случаях Святой Град Иерусалим и его Поклонный Крест, о паломнических молитвах у которого писал в начале XII в. в своем «Хоженьи» игумен Даниил²⁴. В Воскресенском монастыре Поклонный Крест, вытесанный из камня, был установлен к востоку от Святых врат, на холме Елеон. Этот Крест почитался и как памятный, отмечающий место, где царь наименовал окрестности обители Новым Иерусалимом. Характерно, что впоследствии на Кий-острове и под Москвой над обоими Крестами были сооружены часовни.

¹⁹ «Опись церковного и монастырского имущества и книгохранилища Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря 1679 года, учиненная по указу царя и Великого князя Феодора Алексеевича Московскаго и всея России». Список XIX в. — ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 5. (Далее — Опись 1679 г.).

²⁰ Опись 1679 г. Л. 193 об.

²¹ *Седов Вл. В.* Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2009. С. 573.

²² *Выголов В.П.* Надвратные храмы Древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Столица и провинция. Вып. 5. М.: Наука, 1994. С. 3–34. [Электронный ресурс]. URL: www.gusarch.ru (дата обращения: 30. 03.2018).

²³ Грамота о Крестном монастыре. С. 3–4.

²⁴ Житье и хоженье Даниила, Русьския земли игумена // «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2007. С. 24–26.

Нами приведена лишь часть примеров, свидетельствующих о единстве богословско-художественного замысла монастырей Патриарха Никона и о значении для него темы Креста Господня. В Ставрозе на Кий-острове, наиболее укорененном в местные традиции, образы Святой Земли, Святого Афона и Святой Руси были воплощены на малых пространствах в максимально ёмком, сконцентрированном виде, вместившем, однако, ту полноту догматических, литургических, эсхатологических и церковно-исторических идей, которая отличает храмоздательство Святейшего Никона.

В заключение следует отметить, что в советской науке триединство патриарших монастырей одной из первой осмыслила Гали Владимировна Алферова (1912–1984). В богоборческие времена она имела мужество говорить об их создателе как зодчем, хотя была вынуждена именовать Первосвятителя мирским именем — Никита Минин.

Будучи универсальным архитектором-реставратором, Гали Владимировна одинаково успешно занималась археологическими, натурными и архивными исследованиями, готовила проекты, руководила процессом производства и глубже многих своих коллег понимала неразрывную связь личных, духовно-творческих, и глобальных, церковно-государственных мотивов строительной деятельности Патриарха Никона. Работая с неиссякаемой энергией на Кий-острове и в Новом Иерусалиме, Гали Владимировна спасала вместе с памятниками старины нашу историческую память. Промыслом Божиим именно она со своими добротными помощниками обрела в заболоченном Кедронском потоке затонувший и всеми забытый Крест, сброшенный туда безбожниками с Богоявленской пустыни Патриарха Никона²⁵. Этот Крест, заботами Гали Владимировны отреставрированный и вызолоченный, венчает ныне восьмигранную, в виде главы, церковь святых апостолов Петра и Павла, стоящую на плоской кровле Пустыни, здание которой соединяет образы анахоретского столпа и афонской пирги. Первоначально Пустынь, сооруженная на возвышенности в центре острова, была окружена изгибом реки Истры, переименованной в Иордан, и небольшим прудом. Сейчас рельеф местности иной, но Крест над Богоявленской пустынью по-прежнему видится «чувственным зеницам» погруженным в воды Истры-Иордана, знаменуя присутствие Триипостасного Бога и являя «мысленному уму» духовную сущность патриарших монастырей: «струю приснотекущую» Царствия Небесного, образ «престола Божия, града святых посреди воды» (Откр. 4:6).

²⁵ Горячева М.Ю. Отходная пустынь Патриарха Никона. Материалы исследований // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / Ред.-сост. Г.М. Зеленская. М.: Северный паломник, 2002. С. 26.